

В конце зимы прошлого года погиб Гунсунь Юэ. Гунсунь Цзань лишь обронил: Смерть моего брата — это беда, которую заварил Юань Шао!

После этого он поднял тридцатитысячное войско и с суровой, беспощадной решимостью двинулся на юг, захватывая город за городом. Его наступление становилось всё яростнее, и с конца зимы до самой ранней весны он почти полностью подмял под себя области Ючжоу и Цзичжоу.

Его слава гремела повсюду, внушая трепет всему Севера.

Го Цзя, сопровождая Цзилуна, придержал коня на берегу реки Паньхэ.

Бурные речные волны уступали разве что багровым стягам в лагере Юань Шао на противоположном берегу, трепетавшим на ветру.

Го Цзя изо всех сил пытался припомнить ту грандиозную битву из прошлой жизни.

Увы, тогда он сам не находился ни в лагере Юаня, ни в лагере Цао и неведомо где предавался уединению. В памяти отложились лишь скудные строки из записей придворных летописцев.

В битве при Цзецяо Юань Бэньчу одержал победу меньшими силами над большими.

Белые Всадники Справедливости Гунсунь Цзаня были уничтожены в одном сражении.

Безотчётная тревога, подобно речной воде у него на глазах, затопила сердце Го Цзя. И хотя сейчас у Гунсунь Цзаня было полно воинов и генералов, а его мощь казалась грандиозной, чем сильнее разрастался этот масштаб, тем сильнее нарастало беспокойство Го Цзя.

Между бровей залегла складка в форме иероглифа «чуань», глаза слегка прищурились.

Он следовал позади арьергарда Цзилуна весь путь издалека, и все города на их пути трепетали перед могущественным именем Гунсунь Цзаня, сдаваясь без боя. Юань Шао же оказался совершенно бессилён перед этим и в ответ лишь передал печать тайсуя округа Бохай Гунсунь Фаню, надеясь таким образом сблизиться с Гунсунь Цзанем.

Кто бы мог подумать, что Гунсунь Фань, увидевшись со своим двоюродным братом, тут же предал Юань Шао.

Да ещё и поднял войска Бохая, чтобы помочь Гунсунь Цзаню разгромить Армию Желтых повязок в землях Цинчжоу и Сюйчжоу.

Теперь же...

Лагерь Юань Шао на противоположном берегу казался погруженным в мертвую тишину. Застыв на месте, он не проявлял ни малейших признаков жизни, разделенный рекой с лагерем Гунсунь Цзаня.

Разве это был тот самый Юань Бэньчу, которого он знал?

Столь терпеливый, столь затаившийся.

Словно выжидающая удачного момента для броска змея, что прячется в темноте и выслеживает заносчивую добычу, шаг за шаг завлекая ее в ловушку.

— Цзилун, я считаю... это сражение не сулит ничего хорошего.

К счастью, рядом с ним находился только Цзилун, иначе одних этих слов Го Цзя хватило бы, чтобы Гунсунь Цзань предал его суду за подрыв боевого духа армии.

— Что именно не так?

— У-у-у...

В этот момент над лагерем внезапно разнесся звук боевого рога.

Главный военачальник проводил смотр войск!

— Янь Ган, передаю тебе всех Белых Всадников Справедливости. Конница пойдет в авангарде, надеюсь, ты сможешь одним ударом сокрушить армию Юань Шао.

— Твой подчиненный не посрамит возложенную задачу! — Янь Ган принял генеральскую печать, и на его лице проступило выражение горделивого превосходства.

Гунсунь Цзань поочередно раздавал приказы командирам левого и правого флангов, а также арьергарда. Он был уверен, что его непобедимые Белые Всадники Справедливости непременно растопчут лагерь Юаня.

Все уже готовились покинуть шатер, как вдруг снаружи раздался грозный оклик стражника:

— Ты кто такой? Как смеешь самовольно вламываться в главный шатер!

Го Цзя, за которым шли двое охранников, полностью проигнорировал его и шагнул в самый центр большого шатра, по обе стороны от которого стояли ошеломленные военачальники.

— Белые Всадники Справедливости не должны идти в авангарде.

— Что ты сказал?! — Янь Ган бросился вперед и вцепился в воротник одежды Го Цзя.

Кто этот наглец, что так бесцеремонно ворвался в лагерь и несет какую-то чушь! Белые Всадники Справедливости — и не в авангарде? Неужели им уготовано стать вспомогательными войсками?! Для него это сражение — шанс совершить подвиг, как он мог упустить такое!

— Генерал Гунсунь, помнишь ли ты поход генерала Сунь на Янчэн? — Го Цзя обошел Цзилуна, взглядом перенесясь даже дальше него.

Гунсунь Цзань сделал легкий жест рукой, и следовавшие за Го Цзя стражники всё поняли без слов, удалившись из шатра.

— К чему ты клонишь? — Гунсунь Цзань с ног до головы окинул его взглядом, обведя затем взором стоявших вокруг командиров. За исключением гнева на лице Янь Гана, остальные хранили спокойствие, что даже заставило его на мгновение растеряться.

— В тот день конница под командованием Лэй Бо почти добралась до городских ворот, но в одно мгновение откатилась назад. Причина тому была лишь одна — внезапный град арбалетных стрел. — Го Цзя подошел к песчаной карте и слегка закашлялся. — Конница боится стрел, а сила мощных арбалетов страшна вдвойне. Чжоу Ан был всего лишь подчиненным в лагере Юань Шао, но даже у него имелось столь внушительное число луков и самострелов. Теперь же Юань Шао выступает в поход лично, и снаряжение у него наверняка куда богаче. Береженого бог бережет — не ставьте Белых Всадников Справедливости в авангард.

После этих слов в шатре воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь едва слышным дыханием.

Цзилун сжал кулаки так, что на них выступил тонкий пот.

Еще на берегу Паньхэ Го Цзя предупреждал его: если Гунсунь Цзань упрямо решит первыми бросить в бой конницу, это сражение напрочь проиграно в девяти случаях из десяти.

И сейчас, находясь перед Гунсунь Цзанем, Цзилун понимал: даже если слова Го Цзя звучали разумно, вряд ли Гунсунь Цзань прислушается к ним хотя бы отчасти.

Го Цзя изначально не желал появляться перед Гунсунь Цзанем. В конце концов, победит ли Гунсунь Цзань или проиграет, одержит ли верх Юань Шао или потерпит поражение — оба они

в конечном счете неизбежно проиграют.

Если он сейчас стоял здесь, то лишь потому, что не хотел, чтобы Цзилун стал для Гунсунь Цзяня пушечным мясом.

Затянутый в тяжелые латы Гунсунь Цзянь на фоне тхилого тела Го Цзя выглядел до нелепости величественным и грозным. Одно движение пальца Гунсунь Цзяня сейчас могло бы прихлопнуть стоящего перед ним человека.

— Ты хочешь сказать, что мои Белые Всадники Справедливости попадут в засаду Юань Шао?

— Именно так.

— Ты хочешь сказать, что я проиграю эту битву?

Тон Гунсунь Цзяня становился всё более резким, но Го Цзя не собирался отступать.

— Если генерал Гунсунь проявит слепое упрямство, то это сражение... непременно будет проиграно.

— Ха-ха-ха! — Гунсунь Цзянь вдруг громко рассмеялся, указывая пальцем на Го Цзя, и обратился к остальным: — Ха-ха, этот человек, этот человек на самом деле утверждает, что наше войско потерпит поражение! Ха-ха! Сеять смуту в войсках перед лицом врага — как поступают с такими? Как?!

Смех оборвался так же внезапно, как и начался, и последняя фраза прозвучала совсем в другом ключе.

Гунсунь Цзянь разъяренно взревел:

— Как?!

Янь Ган рявкнул:

— Сеешь смуту перед битвой — предать мечу!

Цзилун сделал шаг в сторону, но услышал, как Гунсунь Цзянь вновь обратился к Го Цзя:

— Ну а раз так, что же делать нашему войску?

На обоих берегах Паньхэ забили барабаны, да так яростно, что, казалось, даже речная вода взметнулась пеной.

Ворота лагеря распахнулись настежь, и воины обеих армий стали выстраиваться в боевые порядки, словно черные тучи, нависшие над землей. Не прошло и мгновения, как перед строями обоих лагерей заблестел лес копий и пик, пестря в лучах весеннего солнца.

Тридцать тысяч пехотинцев, пришедших из Ючжоу, крушили на своем пути любые города и рубили любых полководцев, заставив каждый уезд в Цзичжоу дрожать от страха.

В этот миг грандиозная мощь, поднятые высоко клинки и боевые клич в одно мгновение пронзили самый небосвод.

Гунсунь Цзань поглаживал бороду, не в силах скрыть триумфальное выражение лица, и бросил стоящему рядом человеку:

— Воины нашей армии несравненно храбры, им достаточно топнуть ногой, чтобы Юань Шао не смог уйти живым. Го Фэнсяо, неужели тебе все еще есть о чем беспокоиться?

Авангард в войске Юань Шао сильно уступал по численности силам Гунсунь Цзаня, однако после оглушительных криков они первыми бросились в атаку.

Восемьсот смертников решились сражаться насмерть, меняя кровь на кровь, жизнь на жизнь.

Армии столкнулись, металл клинков и серебро доспехов сплелись воедино.

То тут, то там падали разорванные тела и кости, а поднятая копытами пыль смешивалась с брызгами багровой дождевой воды.

Началась бойня.

Восемьсот смертников, увязнув в рядах неприятеля, словно угодили в гигантскую мясорубку, перемалывающую густую кровь и раздробленные кости.

Алый цвет терзал нервы каждого, все жаждали победы, жаждали стертости с лица земли того самого лагеря Юаня.

— Бейте в барабаны! — Гунсунь Цзань резким движением выхватил длинный меч, указал клинком на вражеский строй и зычно рявкнул: — Конница! Прорвать строй!

— Дун-дун-дун! Дун-дун!

Зачастили частые удары барабанов.

Белые Всадники Справедливости наконец вырвались с обоих флангов пехоты. Белые одежды и белые скакуны, подобно внезапно примчавшимся с края неба тучам, обратились в буйный вихрь и стремительно ворвались в передовой строй.

Янь Ган взмахнул стальной пикой и вскинул ее к небесам:

— В атаку!

— Убить! Убить! Убить!

Радость на лице Гунсунь Цзяня уже невозможно было сдержать. Бросив презрительный косой взгляд на стоявшего рядом человека, он холодно хмыкнул.

Изначально он собирался пустить в бой конницу первой, но тут неожиданно объявился какой-то Го Цзя и изложил всё настолько убедительно, что даже заставил его заколебаться. И пусть он не знал происхождения этого человека, но видя, как легко и непринужденно тот указал на сильные и слабые стороны обеих армий в этом сражении, Гунсунь Цзяню пришлось проявить осторожность — тем более что даже Фань Фан не смог найти возражений.

Перед самой битвой Гунсунь Цзянь все же изменил расстановку сил, пустив вперед пехоту.

Но сейчас, в разгар схватки, видя, что авангард Юань Шао абсолютно не способен оказать сопротивление, высокомерие, переполнявшее его грудь, вновь выплещлось через край.

Он больше не желал прислушиваться к предостережениям этого человека.

Белые Всадники Справедливости уже первыми ворвались в пределы вражеского строя.

Го Цзя под строгим конвоем был вынужден следовать за Гунсунь Цзянем в арьергарде. Северный ветер донес до него резкий, удушающий запах крови.

—Исход этого сражения решен.

Гунсунь Цзянь в недоумении повернул голову, а затем с улыбкой произнес:

— Верно! Верно, в этой битве наша армия одержит победу!

Тысяча белых скакунов ярко выделялась на фоне черных доспехов.

Их стремительный, словно текучая вода, бег напоминал острую стрелу, вонзающуюся прямо в сердце армии Юаня.

Втоптанные в грязь тела, окровавленные конские копыта — всё это походило на разворачивающийся свиток, где пятна крови становились всё гуще.

Карта исчерпана, смертельная угроза явила себя.

Го Цзя смотрел на мчащихся вперед Белых Всадников Справедливости и с тяжелым вздохом сомкнул веки, словно не в силах больше на это смотреть.

Гунсунь Цзань в конце концов так и не поверил ему.

Вдруг произошло непредвиденное.

Мчавшиеся впереди несколько десятков белых скакунов резко, как вкопанные, остановились.

Передние копыта их судорожно подогнулись, и кони рухнули на землю, швырнув всадников через головы.

В рядах армии Юаня натянули одну за другой прочные железные цепи с острыми лезвиями на них, которые наотмашь подрезали лошадям ноги.

Животные с жалобным ржанием валились на землю, а скакавшие позади всадники уже не успевали осадить коней, налетали на упавших товарищей и неслись дальше.

Янь Ган перепрыгнул на коне через препятствие, взмахнул стальной пикой и с яростным криком перерубил пополам натянутую путаницу для коней. Презрительно сплюнув, он бросил:

— Жалкие фокусы.

По примеру своего военачальника остальные воины — кто прыжком, а кто ударом клинка — искромсали эти ловушки на мелкие куски.

Увидев, как рухнули первые Белые Всадники Справедливости, Гунсунь Цзань сперва напрягся, но когда доложили, что это всего лишь веревки для ног коней, его сердце снова успокоилось:

— Жалкие фокусы.

— Ворваться в главный лагерь! Живьем взять Юань Шао!

Янь Ган одним ударом пики подбросил человека в воздух и нанизал тело на острие, наводя ужас на поле боя.

— Живьем взять Юань Шао!

— Живьем взять Юань Шао!

Крики становились все громче и громче, и с каждым новым возгласом выражение лица Гунсунь Цзяня становилось всё более самодовольным.

Гунсунь Цзянь откинул полу халата и рявкнул:

— Эй там, заковать этого человека в кандалы, а после победного возвращения армии — предать казни!

Двое стражников подхватили Го Цзя под руки с двух сторон.

Го Цзя с отвращением стряхнул их руки, холодно глянул на Гунсунь Цзяня и, шагнув вперед, зашагал сам.

— Господин, судя по такому ходу дел, победа в этой битве за нами, — вставил Фань Фан, бросив при этом косой взгляд вслед удаляющемуся Го Цзя.

— Ха! Ха...

Улыбка еще застыла в уголках его губ, но победный смех внезапно застрял в горле.

Мощные арбалеты!

На самом краю поля боя показалось лишь то, как тучи стрел, точно саранча, вылетели напрямиком из ада.

Страшнее путан для ног было то, что...

Оказавшиеся на открытом пространстве Белые Всадники Справедливости совершенно не имели укрытия!

В одно мгновение десятки людей были пронзены стрелами! Десятки коней рухнули на землю!

Они напрочь перерезали путь к наступлению для всей конницы!

Не успела утихнуть первая волна ливня стрел, как следом обрушилась вторая.

Ни передышки, ни пути назад!

Услышав позади крики ужаса, Янь Ган резко обернулся. Даже привыкший к жестоким сечам, сейчас он мог лишь бессильно наблюдать, как его подчиненных со всех сторон теснят внезапно атаковавшие воины Юаня, превращая тех в живые подушечки для иголок!

Все пути отхода были перерезаны!

Армия Юаня, не считаясь с жизнями собственных солдат, была готова на всё, лишь бы единым махом уничтожить Белых Всадников Справедливости Гунсунь Цзяня.

<http://bllate.org/book/19191/1884809>